

2006.03.011. КИРЬЯНОВ Ю.И. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ РАБОЧИХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914 Г. – ФЕВРАЛЬ 1917 Г.). – М., 2005. – 217 с.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, социально-политический протест рабочих.

Монография д.и.н. Ю.И. Кирьянова, по определению И.М. Пушкаревой «историка по призванию» (с. 155), включает введение, четыре главы («Общая характеристика стачечного движения в России в годы войны»; «Стачки политического характера»; «Демонстрации рабочих»; «Массовые выступления рабочих на почве дороговизны и нехватки продовольствия») и заключения. В книгу вошли также три приложения: статья д.и.н. И.М. Пушкаревой, посвященная памяти Ю.И. Кирьянова, и список его основных работ; статья Ю.И. Кирьянова о менталитете рабочих России на рубеже XIX–XX вв. и статистические данные о стачках в 1895–1917 гг.

Автор показывает, что формы социального протеста рабочих в годы Первой мировой войны были весьма разнообразны. Наряду с уже испытанными – стачками, предъявлением требований без прекращения работы, демонстрациями, митингами, собраниями и т.д. получили распространение «продовольственные» волнения, выступления мобилизованных в армию и др. При этом важнейшей и самой массовой формой сопротивления рабочих властям и буржуазии оставалась стачка. В наиболее крупных выступлениях пролетариата, как правило, органически переплетались стачки, собрания, распространение прокламаций революционных партий, уличные шествия.

Ю.И. Кирьянов отмечает, что изучение комплекса источников позволило получить более полное и взвешенное представление и о масштабах движения, и об участии в нем различных профессиональных отрядов рабочих, в том числе и непромышленных. Автор приводит новые сведения о количестве стачечников и числе стачек, которые в 2–3 раза превышают давно введенные в оборот данные фабричной и горной инспекций. Число стачек в период с 19 июля по 31 декабря 1914 г. было равно 170, в 1915 г. – 1928, в 1916 г. – 2417, в январе – 22 февраля 1917 г. – 718. Данные фабричной и горной инспекции за июль – декабрь 1914 г.,

1915 г. и 1916 г. – составляют лишь от 40 до 64% от данных, полученных историками. Число стачек в 1915 г. по сравнению с военным периодом 1914 г. увеличилось в 11 раз, а в 1916 г. по сравнению с 1915 г. – на 25,4%. Основным показателем забастовочного движения – количество участников изменялся следующим образом: 19 июля – 31 декабря 1914 г. – 86,7 тыс., 1915 г. – 86,2 тыс., 1916 г. – 1558,4 тыс., январь–февраль 1917 г. – 548,3 тыс., 1916 г. – 1558,4 тыс., январь–февраль 1917 г. – 548,3 тыс. (с. 19). Преимущественно контингент стачечников в период войны составляли фабрично- и горнозаводские рабочие.

Репрессивная политика властей после событий 1905 г. значительно снизила уровень социальной активности железнодорожников, и в этом состояло одно из важных отличий рабочего движения в 1905 и 1914–1917 гг. При этом, пишет автор, у транспортных рабочих не было политических, а также групповых стачек на экономической почве. Ни одна из этих стачек скольконнибудь серьезной опасности для властей не представляла (с. 23).

Очень слабое участие в забастовочном движении в годы войны демонстрировали непромышленные рабочие – строители, лесозаготовители, деревенские батраки.

Абсолютное большинство стачечников в период войны было занято на предприятиях, обслуживавших армию и флот. Стремление забастовать, особенно в начальный период войны, нередко сдерживалось патриотически настроенной частью рабочих, но вместе с тем рабочие считали, что ради успешного продолжения войны предприниматели и власти должны считаться с их требованиями. Призывы к установлению 8-часового рабочего дня практически не выдвигались. Политические выступления (ежегодная доля их участников в 1912–1914 гг. составляла 57–78%) в начале войны были исключительным явлением. Они получают распространение лишь с осени 1915 г. и особенно с осени 1916 г. Чисто экономические требования все чаще стали увязываться с выступлениями и против войны, и против правительства. За счет этого доля участников политических и неэкономических стачек в январе–феврале 1917 г. сразу поднялась до 85% (в 1916 г. – 33%) (с. 25).

С началом войны, взвинчиванием цен на предметы первой необходимости и прежде всего на продовольствие основной упор в

требованиях стачечников был сделан на повышение заработной платы. Во 2-й половине 1914, 1915 и 1916 гг. доля стачечников, выдвигавших это требование, была преобладающей (в 1915 г. – 43% и в 1916 г. – 54%) (с. 26).

Вследствие неоднородности материального положения, различной степени организованности и политизированности рабочих различных производств стачечное движение начиналось прежде всего там, где рабочие жили и работали в более тяжелых условиях, т.е. прежде всего в текстильной и горной промышленности. Однако решающая роль в развитии рабочего движения по-прежнему принадлежала металлистам, которые не замыкались в узких рамках сугубо профессиональной или даже цеховой борьбы, как некоторые другие отряды рабочих, а выдвигали более широкие требования, чаще других проявляли солидарность с рабочими других профессий.

Война внесла существенные изменения в региональное развитие рабочего движения. По объективным причинам рабочие некоторых районов резко снизили в годы войны свою активность (часть Прибалтики, Белоруссии, Закавказья, не говоря уже о Польше, захваченной немцами). Доля стачечников большинства регионов (Украина, Урал и др.) составляла всего несколько процентов от общероссийского уровня. Ведущую роль в рабочем движении играли Петроград и Москва. При этом участие рабочих обеих столиц в общероссийском движении стало даже более значительным, чем прежде – их доля от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ общего количества забастовщиков в стране. Это во многом объяснялось и их высокой концентрацией на крупных промышленных предприятиях, а также повышенной активностью в столицах нелегальных организаций социал-демократов и эсеров (с. 149). Но крупные стачки в период войны происходили и в других промышленных центрах – Костроме, Иваново-Вознесенске, Николаеве, Горловско-Щербинском районе, Луганске, Саратове, Астрахани, Баку.

На настроения рабочих, а в определенной мере и на само рабочее движение оказывали заметное воздействие поражения (или победы) на фронтах. В общем и целом с мая 1915 г. за небольшими исключениями (Брусиловский прорыв, вступление в войну Румынии) это воздействие было негативным, подводя массы к мысли о необходимости скорейшего прекращения войны.

В результате проведенного исследования, пишет Ю.И. Кирьянов, становится очевидным весьма искаженное освещение советской историографией июльских стачек 1914 г., выступлений в Москве в мае 1915 г., первомайских стачек в 1916 г., стачек в поддержку Думы в сентябре 1915 г., ноябре 1916 г. и в январе – феврале 1917 г. В июле – декабре 1914 г. политические выступления рабочих были единичными. Сколько-нибудь широкие волны политических стачек относятся к маю и сентябрю 1915 г. В первом случае поводом был Первомай, во втором – роспуск Государственной думы. Мотивами большинства политических стачек в первые два года войны являлись, кроме Первомай, репрессии властей (в прошлом или настоящем). В конце 1915 – начале 1917 г. положение существенно меняется. Политический характер приобретают стачки, начатые, казалось бы, на экономической почве в связи с ростом дороговизны или отсутствием продовольствия. Эти стачки способствовали изменению отношения широких масс к войне и центральным властям. В этой связи неправомерно было бы преуменьшать значение продовольственного вопроса в расширении политической борьбы рабочих и углублении политического кризиса, как это делалось ранее в литературе. В 1914 г. – феврале 1917 г. общее количество участников политических стачек составило 732,7 тыс. (с. 86).

Политические выступления пролетариата военного периода сыграли большую роль в подготовке перехода рабочего движения в России на его высокую ступень в февральские дни 1917 г. Движение 23 февраля 1917 г. началось без партийных призывов, и по крайней мере в первые два дня партийные организации практически не участвовали в выступлении. Лишь 25 или 26 февраля они сделали попытку использовать начавшееся движение для реализации своих планов.

Борьба рабочего класса была решающей. Массовые выступления студентов, служащих или других представителей средних городских слоев, а также крестьян не шли ни в какое сравнение с выступлениями рабочих, оказавших в февральские дни 1917 г. мощное воздействие на другие слои населения, что и решило в конечном счете судьбу самодержавия.

В.М. Шевырин